Светлана АЛЕКСИЕВИЧ:

Известия, — 2000. — 21 сент. — с. 1, 10

Художнику долго оставаться на баррикадах опасно

Светлана Алексиевич, покинувшая баррикады

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

...Но если продолжать разговор о причинах моего отъезда, то для меня более трагичен конфликт с массовым сознанием. Это для меня больнее.

— В чем он заключается?

— Это то, чем я занимаюсь. Я занимаюсь демифологизацией. Ведь что такое любая идея, когда она овладевает массами? Это миф. Она работает на уровне мифов. Вот смотрите, почему у нас ничего не получается? Вроде бы меняются улицы, магазины, вывески, марки машин. А сознание поддается перековке с трудом. Вот Владимир Путин пришел к власти на волне мифа о великой России. Как только он реанимировал этот миф, мгновенно люди на него откликнулись. Потому что мифы живут очень глубоко в людях, туда даже словами не пробраться. Просветительство очень медленно действует.

Был миф о нашей великой победе в Отечественной войне. Да, победа великая, но какой ценой? Мою первую книгу «У войны не женское лицо» два года не печатали именно из-за того, что я попыталась демифологизировать героическую интонацию. Я дала интонацию боли, интонацию бессмыслицы, я сказала, что любая война — это убийство. Женщины — героини книги — говорили именно об этом.

Война в Афганистане — опять демифологизация. Я сказала — нет, мы не герои, мы страна, которая делает убийц. Мы у себя ничего не сделали, а пытаемся весь мир переделать. И Чернобыль — то же самое. Мы столкнулись с какой-то новой реальностью и опять попытались использовать героический миф, патриотический миф. Но произошло что-то другое, то, что нам совершенно неподвластно. И даже инструментов у современного человечества нет, чтобы понять это. Только сейчас нарабатывается потихоньку чернобыльское мировоззрение. И когда ты первый говоришь какие-то вещи, это очень сложно. Поверьте, на баррикаде быть проще. А говорить о жизни и искать ее смысл — это гораздо труднее.

— Видимо, именно из-за вашего стремления разрушить мифы книга «Чернобыльская молитва» долгое время не могла выйти в Белоруссии, где сейчас как раз наоборот пытаются реанимировать и укрепить многие мифы прошлого.

— Я думаю, да. Ведь когда Лукашенко встречался с литераторами, он назвал эту книгу вредной. Когда книга вышла на русском языке, мы привезли в Белоруссию совсем немного экземпляров. Мне говорили, что во многих библиотеках существует даже очередь на книгу.

— Вы говорите, что нужно сопротивляться и в то же время — что художник должен быть не на баррикадах.

— Я считаю, что художнику долго быть на баррикаде опасно. Потому что там ты видишь только мишень и привыкаешь к этому. Сейчас время не баррикад, а профессионалов. К сожалению, в нашей стране нет ни действующей элиты, ни профессионалов. Из-за этого мы терпим поражение за поражением. Но придут же новые времена. Посмотрите на лица нынешней белорусской власти, и вам станет понятно, что это лица вчерашнего дня. Но когда эти новые времена придут, кто у нас будет — опять профессиональные революционеры? И они нам будут чинить зубы или сапоги? Я бы не хотела.

Я думаю, что литература сейчас идет в экзистенциальные вещи, она уходит с баррикад. У нас в Белоруссии сейчас нет новой идеи, вокруг которой мы могли бы объединиться. Потому что не может же быть бесконечно идея баррикады. У меня есть ощущение, что у нас не хватает интеллектуальных сил. Мы все на развалинах и мы все задаем себе вопросы: в какой стране мы живем, что было, что сейчас происходит? И я тоже хочу это понять. Но все равно каждый из нас обладает только версией, и не больше. Может, потом от времени останутся совсем другие имена, идеи и события, чем те, о которых мы думаем или говорим сегодня.

— Историю и тех, кто потом так или иначе переводил ее в слово, всегда занимали личности, герои, а вы, по собственному признанию, занимаетесь тем, что называете песком истории — маленьким человеком.

— Я занимаюсь такой субстанцией, как душа. Меня интересует не само событие, а человек. Ведь вот, например, мы достаточно много знаем о временах Римской империи, но о том, как разговаривали простые люди, о чем они говорили дома, в семье, мы даже представления не имеем. Все мои книги — о том, как человеку остаться человеком в пространстве страны-утопии. Несмотря на то, что мы, белорусы, — опоздавшая нация и не знаем, где и как живем, всегда можно противостоять обстоятельствам, опираясь на личное мужество и собственное мироощущение. Я знаю школьных учителей, которые называют меня и Василя Быкова «неофашистами», но я знаю и такую учительницу, которая, невзирая на позицию директора-самодура, читает детям мои книги. Литература должна давать человеку точки нравственной опоры. Иначе мы, как и мои родители, не сможем объяснить своим детям событий нынешней истории и будем стыдиться своей роли в ней. Мы не делаем главную работу по осмыслению своей жизни, и все наши проблемы из-за того, что у нас нет пространства личности. Тем не менее, как мне кажется, сейчас человек меняется, он уходит от идеи, он становится, что ли, более частным человеком. То есть на первом месте стоит «я». Я чувствую, что люди сейчас больше говорят о себе, появляется какая-то ценность дома, своей жизни. Знаете, когда я работала над «Чернобыльской молитвой», я думала: почему мы не ценим свою жизнь? Как нам научиться ценить ее? И у меня до сих пор нет ответа на этот простой вопрос.

Светлана КАРПЕКОВА, Минск